

*А. А. Зданович,
доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ*

КОНТРАЗВЕДКА ЦАРСКОЙ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. Противоборствующие в Первой мировой войне стороны надеялись на скоротечность боевых действий. Отсюда проистекла недооценка контрразведывательной работы. Серьезным отрицательным фактором для организации борьбы со шпионажем являлось фактическое разделение управления в военной сфере на два центра — Ставка Верховного главнокомандующего руководила только фронтовой зоной, а Военное министерство и подчиненный ему Генеральный штаб — тыловыми военными округами. Создание органов контрразведки в действующей армии растянулось на несколько месяцев и завершилось не ранее середины 1915 г. Отрицательно сказалось на эффективности работы контрразведки и выдвинутая генералом М. Д. Бонч-Бруевичем теория так называемой «чистой контрразведки», т. е. защита только секретов. А обстановка требовала борьбы со шпионажем в экономической сфере и противодействия подрывной деятельности в идейно-политической области. Отрицательно воздействовали на деятельность контрразведки и нерешенные кадровые проблемы, а также ее статус как секретного органа, не имеющего административных прав. В этих условиях говорить о высокой эффективности в работе военной контрразведки не приходится.

Ключевые слова: управление в военной сфере, контрразведка, мобилизационная готовность, нормативные документы, права контрразведки, государственная безопасность, шпионаж; подрывная деятельность, моральный дух.

A. A. Zdanovich

COUNTERINTELLIGENCE IN THE RUSSIAN ARMY DURING WORLD WAR I: ORGANIZATIONAL AND REGULATORY ISSUES

Summary: The countries opposed during the First World War hoped for the transience of fighting. This was the reason of counterintelligence disregard. The separation of controlled function between two centers was a serious negative factor for the organization of countermeasure. The Headquarter was responsible only for the front area, whereas the Ministry of

Defense was responsible for rear military districts. General M.D. Bonch-Bruevich advanced the theory of «clear counterintelligence», which implied only secret documents protecting. This theory negatively affected the counterintelligence efficiency. The situation required countermeasures in the economical, ideological and political spheres. Other negative factors were the staffing problems and the status as a secret body, which had no administrative rights. Therefore counterintelligence couldn't be effective.

Keywords: management in the military sphere; counterintelligence; mobilization readiness; regulatory documents; rights of counterintelligence authorities; state security; spying; morale of the troops.

Разразившаяся в августе 1914 г. мировая война первоначально велась восьмью европейскими государствами. Постепенно в ее орбиту были вовлечены еще более тридцати государств с общим населением 1,5 млрд человек.

К началу войны оба противоборствующих блока создали мощные армии и разветвленную военную промышленность. Вместе с тем, недооценивая экономические и боевые возможности противников, военное руководство как стран Антанты, так и Тройственного союза готовилось к возможно быстрому разгрому врага за шесть-восемь месяцев.

Однако уже в первой половине 1915 г. воюющим сторонам стало ясно, что, значительно ослабив друг друга, они не сумели достичь коренного перелома и война приобретает затяжной позиционный характер со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

В этих условиях для достижения победы требовалось обеспечить тесное единство фронта и тыла, высшего военного командования и руководства других государственных органов России. К сожалению, прийти к этому на протяжении всей войны в полной мере не удалось¹.

Необходимо отметить, что еще на стадии подготовки такого основополагающего документа, как «Положение о полевом управлении войск в военное время», утвержденного в июле 1914 г., проявилась общая недооценка его разработчиками всей сложности проблемы формирования единого руководящего военно-политического центра. В данном Положении проводилась идея расчленения России на две «отдельные части» (фронт и тыл), что впрямую усугубляло традиционную обособленность военного управления от общеимперского, создавало серьезные трудности в функционировании государственного аппарата в воюющей стране.

¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 197.

К тому же в документе закладывалось организационное противоречие, дезорганизирующее управление армией, — наличие с началом войны двух независимых друг от друга центров; на театре военных действий — Верховный главнокомандующий и его штаб, а в тыловых районах — Военное министерство с входящим в его штат Главным управлением генерального штаба (ГУГШ). Авторы указанного выше Положения справедливо предполагали, что Верховным главнокомандующим автоматически становится сам император, который будет лично координировать действия военных и гражданских властей. Однако до августа 1915 г. возглавлял действующую армию великий князь Николай Николаевич, не имевший реальных рычагов воздействия на Военное министерство, а тем более на Совет министров в целом.

Все, о чем говорилось выше, напрямую повлияло на организационное строительство органов военной контрразведки и сузило задачу последней до борьбы с чистым шпионажем.

На территории округов, не входящих в район театра военных действий, продолжали функционировать контрразведывательные отделения (КРО) окружных штабов, созданные на основании положения 1911 г. Они практически не подверглись какой-либо трансформации после начала мировой войны.

Насущный вопрос об увеличении числа КРО либо создании подчиненных им органов в стратегически важных пунктах страны не был продуман и спланирован заранее, поскольку воевать рассчитывали лишь в западных районах страны и на территории противников России. К примеру, настоятельно требовалось создать КРО Казанского военного округа. Находящиеся в пределах территории округа пороховые и оружейные заводы, многочисленные крупнейшие склады всех видов снабжения требовали соответствующих мер по их контрразведывательному обеспечению. КРО Московского округа, на который возлагалась эта задача, практически не мог при ограниченном штате справиться с ней².

Что касается органов контрразведки в действующей армии, то процесс их создания и становления растянулся на несколько первых месяцев войны. Иного и быть не могло, поскольку реальных и детально разработанных мобилизационных планов по линии КРО не существовало.

² Из истории русской контрразведки : сборник документов. М., 1946. С. 164. Командование Казанского военного округа неоднократно обращалось в ГУГШ по поводу организации КРО, однако оно было создано лишь в конце 1916 г.

Еще в начале 1913 г. штабы Варшавского, Виленского и Киевского военных округов по заданию Главного управления Генерального штаба подготовили свои предложения по созданию новых КРО на случай войны.

Поскольку в мирное время в вооруженных силах России не имелось армий, а с началом мобилизации они создавались, то было признано целесообразным именно при их штабах и разворачивать КРО³. Однако указанные предложения являлись малореальными. Так, например, штаб Киевского военного округа наметал передать весь личный состав своего КРО на укомплектование соответствующего подразделения штаба Третьей армии⁴. Причем в штате данного органа предполагалось иметь 54 человека, хотя в самом окружном КРО штат состоял всего из 19 сотрудников⁵. Взамен убывающих кадров новое КРО штаба округа, вошедшего в зоны театра военных действий, должен был комплектовать офицер Киевского районного охранного отделения, о выделении которого еще предстояло ходатайствовать через МВД⁶. Штат указанного КРО определялся в 37 человек, еще 34 необходимо было найти для КРО штаба Южной группы Третьей армии. Источник значительного пополнения кадров не указывался, конкретных соглашений с МВД не имелось.

Штабы Виленского и Варшавского округов поступили более дальновидно и рекомендовали ГУГШ еще до приказа о мобилизационном развертывании увеличить штат существовавших КРО либо прикомандировать к ним необходимое число сотрудников для изучения обстановки на территории предстоящих действий. Эта мера позволила бы создать ядро новых контрразведывательных аппаратов — армейского и окружного. Однако указанные предложения остались на бумаге и никакого влияния на процесс организационного строительства контрразведки не оказали. Многое пришлось делать на пустом месте, что самым непосредственным образом сказалось с началом войны⁷.

³ Органы контрразведки в составе фронтовых штабов в предложениях вообще не фигурировали.

⁴ Из истории русской контрразведки. С. 136.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ К середине 1913 г. районные охранные отделения были ликвидированы, а необходимые коррективы в планы штабов не вносились.

⁷ КРО при штабах Кавказской и Восьмой армий удалось создать только в конце 1915 г. Контрразведка десятой армии формировалась вообще из слу-

В «Положении о полевом управлении войск в военное время» имелось лишь общее указание на ответственность штабов войсковых объединений за организацию борьбы с неприятельским шпионажем. В пункте 124 данного документа говорилось, что к предмету ведения разведотделения штаба фронта относятся «разработка соображений и подготовка распоряжений по разведке противника и местности, а равно по борьбе со шпионством»⁸.

Каких-либо нормативных документов, определяющих организационные и кадровые вопросы по линии контрразведки в развитие Положения, Главное управление Генштаба подготовить не успело, так как уже 31 июля 1914 г. было принято решение о всеобщей мобилизации вооруженных сил, а 1 августа Германия объявила императорской России войну⁹.

Согласно варианту «А» плана стратегического развертывания создавалось семь армий¹⁰.

Относительно готовыми продолжать работу оказались лишь те армейские КРО, руководство и костяк которых составили офицеры и чиновники окружных контрразведывательных отделений¹¹. Они хорошо знали местную обстановку, имели налаженные контакты с командованием, оперативными и разведывательными подразделениями штабов, обладали опытом борьбы со шпионажем, взаимодействия с жандармскими управлениями и аппаратами политической полиции. В распоряжении таких КРО имелись все нормативные документы, регламентировавшие многие вопросы функционирования отделений, хотя и в мирной обстановке. Во многих формируемых органах не было даже «Положения о контрразведывательных отделениях» от 1911 г., не говоря уже о детальных инструкциях.

В циркулярном письме генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилова, разосланном фронтовому и армейскому командованию 15 февраля 1915 г., отмечалось, что формирование контрразведывательных отделений в войсковых объединениях

чайных людей (Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15, Д. 829. Л 10).

⁸ Положение о полевом управлении войск в военное время. Пг., 1914.

⁹ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М., 1992. С. 285.

¹⁰ Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 92; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 829. Л. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 2.

на ТВД и их функционирование в первые месяцы войны не носили планомерный характер¹².

Отдельные историки, совершенно справедливо указывая на отсутствие разработанной на случай войны правовой базы для организационного развертывания и практической работы фронтовых и армейских КРО, приходят к выводу о преступном бездействии высшего командования¹³. С такой постановкой вопроса можно согласиться, однако сводить все дело лишь к отсутствию необходимых нормативных документов было бы упрощением. По нашему мнению, речь должна идти не только и даже не столько о медлительности властей, сколько о том, как понимали в военном ведомстве роль и место контрразведки в масштабной современной войне, какие направления разведывательно-подрывной деятельности противника прогнозировались.

По взглядам тех, кто вырабатывал стратегию русской армии, война предполагалась достаточно маневренной и скоротечной. Разгром противника мыслился в ходе ряда крупных сражений уже в 1914 г.

В ходе победоносной кампании высшее командование стремилось решить две стратегические задачи: нанести поражение Германии в Восточной Пруссии и перенести военные действия на территорию врага; предпринять решительное наступление в Галиции и лишит австро-венгерскую армию способности сопротивляться¹⁴. Поэтому главные органы военного руководства не проявляли должного внимания и настойчивости для создания резерва оружия, боеприпасов и других средств обеспечения действующей армии.

То же относилось и к контрразведке. Ее роль сводилась в основном к защите секретных планов мобилизации накануне войны, стратегических и тактических замыслов проведения боевых действий и сведений о новых образцах военной техники. Проблема обеспечения государственной безопасности в войсках вообще не ставилась в расчете на чувство патриотизма солдат и офицеров, их высокий морально-боевой дух в условиях ведения наступательных операций.

Естественно, никто не учитывал возможное массовое дезертирство, пацифистскую, националистическую и революционную пропаганду

¹² Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. София, 1936. С. 93.

¹³ Яковлев Л. С. Военная контрразведка России в период империализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 66. (Академия ФСБ инв. № 25 692).

¹⁴ Ростунов И. И. Указ. соч. С. 112.

в войсках как со стороны противника, так и антиправительственных сил внутри страны.

Отношение к контрразведке командования действующих армий и фронтов, а также в Главном управлении Генштаба наглядно проявлялось в статусе КРО в штабной иерархии: нежелание легализовать их существование, вывести из подчинения разведывательному отделению и дать возможность прямого доклада начальнику штаба того или иного войскового объединения. Начальники КРО в абсолютном большинстве до прикомандирования к штабам являлись офицерами Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) и проходили службу на должностях не выше помощников руководителей ГЖУ. Они продолжали оставаться в списках ОКЖ. Данное обстоятельство не позволяло военным непосредственно представлять их к назначению на вышестоящие должности, награждать за отличие в оперативной работе и боевые подвиги. Требовалась длительная процедура согласования со штабом ОКЖ. Только в конце июня 1915 г. состоялось совместное решение командира ОКЖ и начальника штаба Верховного главнокомандующего о распространении на вышеуказанную категорию лиц некоторых привилегий строевых и штабных офицеров¹⁵. Звание полковника было предельным для начальников КРО в ГУГШ и Ставке, остальные руководители контрразведывательных органов в штабах фронтов, армий и военных округов на ТВД могли дослужиться лишь до подполковника, что соответствовало званию по должности командира батальона¹⁶.

В начале войны руководители основных подразделений Главного управления Генштаба для обеспечения преемственности в работе были назначены на высокие должности в штабе Верховного главнокомандующего. Однако вместо того, чтобы укрепить службу разведки и контрразведки Ставки, многолетний начальник Особого делопроизводства ГУГШ, куда входило и контрразведывательное отделение, генерал Н. А. Монкевиц откомандировывался в действующую армию в качестве начальника штаба корпуса и больше в течение войны к работе по линии разведки и контрразведки не привлекался.

¹⁵ Джукковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 272.

¹⁶ На начало 1916 г. из 23 начальников КРО в действующей армии звание подполковника имели 8 человек, ротмистра — 10, капитана — 4, есаула — 1 (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 1048. Л. 99 об.).

Размышляя о причинах низкой эффективности в борьбе со шпионажем в 1914 — начале 1915 г. один из ведущих специалистов-контрразведчиков царской России генерал Н. С. Батюшин позднее писал: «Почти весь первый год войны контрразведкой никто из высших военных органов совсем не интересовался, и она поэтому велась бессистемно, чтобы не сказать спустя рукава»¹⁷. По его словам, Ставка Верховного главнокомандования не обращала на контрразведку внимания, предоставив ее кадрам возможность работать по собственному усмотрению без общего руководства и поддержки.

Весной и летом 1915 г. русская армия участвовала в ряде кровопролитных сражений, в которых понесла огромные потери, главным образом в силу недостаточного обеспечения артиллерией и боеприпасами. Противник принудил наши войска оставить Галицию, Польшу и некоторые другие районы. Пришлось срочно переносить Ставку ВГК из Барановичей в Могилев. Военные неудачи отразились на моральном состоянии армии и всего населения.

Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в успешном завершении войны. Официальные сводки свидетельствовали об изменении отношения солдат к войне и падении дисциплины в войсках. Широкое распространение имели слухи об измене в высших эшелонах власти. Развивалась шпиономания. Под давлением Ставки ВГК и общественного мнения царь был вынужден сместить с поста военного министра своего фаворита В. А. Сухомлинова, которому приписывали связь с агентами австрийской разведки. На закрытом заседании 345 голосами из 375 Государственная дума предложила правительству предать Сухомлинова суду¹⁸.

Командующему десятой армией генералу Ф. В. Сиверсу и его начальнику штаба угрожали судом за провал крупной наступательной операции¹⁹. Агентурной разведкой в этой армии руководил ставленник В. А. Сухомлинова, скандально известный жандармский офицер С. Н. Мясоедов. По подозрению в шпионаже он был арестован 18 февраля 1915 г. Контрразведке не составило труда выяснить его связь с военным министром. Это играло на руку штабу ВГК и конкретно Верховному главнокомандующему Н. Н. Романову, давнему противнику одного из ведущих членов Совмина.

¹⁷ Батюшкин Н. С. Указ. соч. С. 94.

¹⁸ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 109.

¹⁹ Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 135.

На наш взгляд, именно совпадение решительных действий контрразведки с намерениями руководства Ставки в ее серьезном конфликте с тыловым военным ведомством подтолкнуло штаб ВТК несколько пересмотреть отношение к органам борьбы со шпионажем. Была начата работа по изучению состояния армейских, окружных и фронтовых КРО и на этой основе разработке базы ее организационного строительства и функционирования в военное время. За три дня до ареста С. И. Мясоедова генерал-квартирмейстер штаба ВГК Ю. Л. Данилов дал директиву армейскому командованию с требованием подробно доложить об имевшихся органах контрразведки²⁰. 20 февраля 1915 г. он направляет письмо исполняющему обязанности генерал-квартирмейстера ГУГШ М. Н. Леонтьеву и просит последнего наметить проект тех мероприятий, которые желательно было бы провести для объединения деятельности контрразведывательных органов на ТВД с таковыми же органами в тыловых округах и с Центральным КРО ГУГШ²¹.

Не дожидаясь ответа, уже 3 марта начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич обратился с личным письмом к руководителю ГУГШ М. А. Беляеву. Он тоже настаивал на тесном контакте КРО действующих армий и тыловых округов, а также с контрразведкой ГУГШ. В качестве первого шага, по мнению Н. Н. Янушкевича, следовало распространить на фронтовые и армейские КРО действие «Положения о контрразведывательных отделениях», утвержденного в 1911 г., с необходимыми поправками к нему, исходя из условий того или иного ТВД. Также рекомендовалось поступить и с разработанными до войны инструкциями, развивающими Положение²².

Кроме того, Ставка предлагала своим коллегам в Петрограде взять на себя разработку мер организационного характера с целью поднять эффективность контрразведки на театре военных действий, однако настаивала на предварительном рассмотрении проекта и утверждении его не военным министром, а Верховным главнокомандующим. Пока же из ГУГШ запрашивалось 25 экземпляров Положения для использования в работе²³.

²⁰ Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 93.

²¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 1–1об.

²² Там же. Л. 2 об.

²³ Этот факт показывает отсутствие данного основополагающего документа в подавляющем числе КРО фронтов и армий.

Помимо запросов в Петроград штаб ВГК 1 апреля 1915 г. затребовал из армейских и фронтовых штабов все руководящие документы по линии КРО, подготовленные и используемые на местах, для анализа и согласования основных позиций²⁴. Через шесть дней Ставка направляет состоящего в распоряжении ВГК, зарекомендовавшего себя на поприще контрразведки, в частности в деле Н. С. Мясоедова²⁵, генерала М. Д. Бонч-Бруевича в командировку по всем штабам фронтов и подчиненных им армий. Цель поездки сформулирована в специальном удостоверении: «Для выяснения тех мер, которые могли бы быть приняты для наиболее надежной регистрации лиц, заподозренных в шпионаже... и для выработки проекта тех положений, которые могли бы объединить деятельность КРО на ТВД и согласовать их работу с работой таких же органов вне ТВД»²⁶.

Возвратившись из поездки, М. Д. Бонч-Бруевич написал подробную докладную записку начальнику штаба ВГК. Как выяснилось, существовал разноречивый в штатах КРО, отсутствовал единый подход в различных инструкциях и связи акций контрразведки с боевыми операциями войск²⁷. Генерал также констатировал многочисленные факты уклонения многих КРО от их основной задачи — борьбы со шпионажем. Поскольку сам инспектирующий являлся сторонником так называемой чистой контрразведки, он считал создавшееся положение противоестественным и подлежащим скорейшему изменению²⁸.

Позицию М. Д. Бонч-Бруевича можно оценить как утопическую, далекую от реальной обстановки в войсках, поскольку командование фронтов и армий больше, чем шпионаж, беспокоило факты крупных хищений в частях, срывы планов подвоза боеприпасов и продовольствия, волнения среди населения в ближайшем тылу. Начальник штаба

²⁴ РГВИА. Ф. 200а. Оп. 15. Д. 828. Л. 7.

²⁵ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть советам. М., 1957. С. 69.

²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 10.

²⁷ В своей книге М. Д. Бонч-Бруевич как на серьезный недостаток указывает на использование жандармских офицеров в качестве начальников КРО. Данный тезис не более чем дань идеологической конъюнктуре 50-х гг. В изученных нами в РГВИА документах Бонч-Бруевича за 1915–1917 гг. не только не содержится его отрицательной оценки жандармов, но и присутствуют положительные отзывы об отдельных из них.

²⁸ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки (ОР ГПБ). Воспоминания М. Д. Бонч-Бруевича. С. 112.

Кавказской армии Л. М. Болховитинов, к примеру, не скрывая, писал в Ставку о вынужденном использовании контрразведки в деле улучшения снабжения армии и с целью парализовать недовольство населения, утомленного тяготами войны и дороговизной²⁹.

Контрразведывательное отделение штаба Петроградского военного округа занималось делами крупных банкиров, осуществлявших незаконные финансовые операции, вело разработку группы мошенников и воров, использовавших военную форму, и т. д.³⁰

Подобной работой занимались КРО и в действующих армиях. При отсутствии других оперативных аппаратов в войсках в виде военной полиции, контрразведке не позволяли быть в стороне от явлений, влияющих на боеспособность войск.

Однако М. Д. Бонч-Бруевич настойчиво проводил свою идею «чистой» контрразведки. Будучи уполномочен Ставкой на разработку проекта «Наставления по контрразведке в военное время», он провел ее уже в параграфе первом. Там указывалось: «Общая цель контрразведки заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок... всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера, дабы воспрепятствовать этим организациям и агентам действовать нам во вред»³¹.

В течение мая 1915 г. происходила доработка проекта, над которой активно трудились начальник Центрального КРО ГУГШ полковник В. А. Ерандаков, состоявший при начальнике штаба Ставки следователь по особо важным делам В. Г. Орлов и начальник отделения Управления генерал-квартирмейстера при ВГК полковник П. Л. Асанович. Судя по правкам на проекте, они, не вступая в конфликт с М. Д. Бонч-Бруевичем, раскрыли общую цель контрразведки в виде задач. В пункте тридцать третьем дано их перечисление. Помимо ограждения войск от проникновения агентуры противника авторы проекта указывали на необходимость выявления лиц, распространяющих ложные слухи с целью породить панику среди населения, стремящихся создать затруднения в снабжении войск и намеревающихся проводить диверсионные

²⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 97.

³⁰ Былое. 1924. № 26. С. 223.

³¹ Из истории русской контрразведки. С. 65. Данная формулировка, написанная М. Д. Бонч-Бруевичем, осталась и в окончательном варианте Наставления.

акты на важных объектах, а также организующих забастовки на оборонных заводах³².

Как видим жесткой привязки указанных действий к исполнению их агентами противника в Наставлении не предусмотрено. Фактически доработчики проекта Наставления расшифровали то, что в сжатом виде формулировалось в «Положении о контрразведывательных отделениях» от 1911 г.³³

Над проектом работал и начальник Главного управления Генштаба генерал М. А. Беляев. Он внес небольшие, но принципиально важные изменения. Докладывая в Ставку об окончании составления и редактирования основополагающего документа, М. Д. Бонч-Бруевич сетовал, что М. Л. Беляев изменял формулировки отдельных пунктов.

Так, пункт пятый проекта формулировался следующим образом: «Общие указания по контрразведке, дополняющие и развивающие настоящее Положение (имеется в виду Наставление. — А.З.), а равно и высшее руководство контрразведкой в военное время исходит от штаба ВГК»³⁴. М. А. Беляев, оставив указанную редакцию, добавил, что все изложенное относится только к театру военных действий³⁵.

Данный факт служит основанием для вывода о стремлении Верховного главнокомандующего и его штаба устранить двоецентрие в руководстве контрразведкой в период войны и заставить ГУГШ выполнять указание Ставки. Это укладывалось в действия штаба ВГК по сосредоточению в своих руках управления всеми отраслями жизнедеятельности войск и их обеспечения³⁶.

В ГУГШ не поддержали и предложение М. Д. Бонч-Бруевича о прикомандировании помощника начальника КРО ГУГШ к Ставке, а также о периодических поездках туда начальника контрразведки Генштаба для координации, получения необходимых справок и т. д.

При сравнении проекта и окончательного варианта Наставления становится ясным, что сам генерал являлся противником идеи предо-

³² Из истории русской контрразведки. С. 173.

³³ В Положении о КРО указывалось, что они «учреждаются для борьбы с военным шпионством и вообще для воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут повредить интересам обороны Империи».

³⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 21об.

³⁵ Там же. Л. 82об.

³⁶ *Ростунов И. И.* Указ. соч. С. 115. К концу 1917 г. аппарат Ставки значительно разросся и составлял шестнадцать управлений и три канцелярии с общим штатом в 250 человек.

ставления КРО самостоятельного статуса, что являлось бы, несомненно, шагом вперед в становлении контрразведки как системы. М. Д. Бонч-Бруевич настоял на подчинении КРО начальнику разведывательного отделения соответствующего штаба³⁷.

«Наставление по контрразведке в военное время» за подписями начальника штаба ВГК генерала Н. Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова было 6 июня 1915 г. представлено Верховному главнокомандующему и одобрено последним.

³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 31.